К 85-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА КИМА

85-летний юбилей отметил российский кореевед, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИКСА РАН Евгений Евгеньевич Ким (Ким Ен Ун). В честь юбилея редакция журнала «Корееведение» взяла у Евгения Евгеньевича интервью, в котором он рассказывает о начале своего пути в науку, истории своей семьи, политической карьере и научном наследии.

Редакция сердечно поздравляет Евгения Евгеньевича с юбилеем! Желаем крепкого здоровья, бодрости духа, творческих успехов, а также побольше трудолюбивых и благодарных студентов!

Что определило Ваш выбор и привело к тому, что Вы стали ведущим специалистом по Корее?

Прошу из анонса или представления убрать слова обо мне как о выдающемся ученом. Выдающиеся ученые — это те, кто сделал научные открытия, имеющие фундаментальное значение, в том числе академики и доктора наук. Я всего лишь кандидат наук, то есть «рабочая лошадка науки» (чернорабочий науки). Если сравнить количество публикаций академиков, докторов и кандидатов наук, получится, что кандидаты наук, поскольку их в 10 раз больше, чем докторов, написали и будут писать намного больше научных работ, чем признанные научным сообществом академики и доктора наук. Один пример: ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН К.В. Асмолов написал и опубликовал намного больше монографий и статей, чем большинство докторов наук, писавших или пишущих сейчас по Корее и смежным проблемам. То есть то, что в нынешних условиях пишут кандидаты наук, готовит почву для будущих работ докторов и академиков. Без них и прорывные труды академиков и докторов были бы невозможны, в том числе и потому, что практически все академики в нашей стране начинали свой путь в науке как кандидаты наук.

Что касается меня, то разве что можно отметить, что я самый старший по возрасту из действовавших и действующих корееведов в нашей стране. И в этом заслуга не только моих родителей и дедушек, подаривших мне гены долгожителей, но и моих коллег, особенно в нынешнем Институте Китая и современной Азии РАН, неизменно оказывающих мне свою моральную и научную поддержку, а также Ученого совета, который пока еще позволяет мне вести научную работу в институте. И еще я хотел бы поблагодарить моих студентов, магистрантов и аспирантов, которые своим отно-

шением придают мне силы для работы. Я оцениваю это как свидетельство моей пользы и нужности для них и их жизни. Человек, особенно моего поколения, если не случается каких-то трагедий, живет, пока он нужен людям, не только, естественно, своим детям, внукам, братьям и сестрам, но также и другим людям, если говорить громко, то обществу.

Как складывался Ваш путь в науку и преподавание?

Начнем с того, о чем я написал ранее, — я не считаю себя ведущим специалистом по Корее. О Корее пишут академики, многие доктора наук, а также большое число кандидатов, аспирантов со своими оригинальными оценками и выводами. И потом, Корея, как и любая страна, очень многогранна, тем более народ, который живет в двух разных по политике, экономике, культуре, менталитету, морали, философии, климату и природным условиям странах. Поэтому по большей части мы имеем дело со специалистами, которые работают по отдельным проблемам всего Корейского полуострова в целом и по отдельным проблемам каждой из этих стран, в частности. Вот среди них есть реально ведущие ученые. Но я один из рядовых ученых. Единственно, может быть, что отличает меня от многих других, — это мой опыт работы в Верховном Совете СССР в качестве члена Комитета по международным делам, помощника одного из депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации в течение десяти лет, где мне пришлось на общественных началах выполнять работу секретаря депутатской группы по связям с парламентом Республики Корея, в силу чего были постоянные контакты не только с депутатами России, но и Республики Корея, с президентами, лидерами политических партий и общественными деятелями, а также с учеными, бизнесменами и, что называется, с простыми людьми. Я несколько лет был президентом Международной конфедерации корейских ассоциаций бывших союзных республик, имел контакты как с корейскими организациями этих республик, так и с организациями Республики Корея, а также КНДР, которые занимались отношениями с корейцами бывшего СССР.

Мой путь в науку начался с того, что во время учебы на историческом отделении историко-филологического факультета в Иркутском государственном университете имени А.А. Жданова (в год моего окончания он был преобразован в самостоятельный факультет) я параллельно учился в трехгодичном общественном вечернем университете международных отношений, так как интересовался международными делами. И, имея историческое образование, я решил не специализироваться на истории СССР или России, так как считал, что как человек, не имеющий русских корней, в детстве не знавший русского языка и воспитанный не в русской культуре, не смогу понять многие аспекты истории России лучше, чем сами русские (до 22 лет я думал на корейском языке, и моя речь и ответы на вступительном экзамене в университет, а также в первые три года учебы представляли собой фактически синхронный перевод моих ответов на корейском), да и занимать место специалиста по истории России в России вместо русского или другого представителя коренного народа России мне показалось не очень правильным. Поэтому дипломная работа была по странам Азии и Африки. Государственная экзаменационная комиссия после государственных экза-

менов и защиты дипломной работы рекомендовала меня в аспирантуру. В нашей группе историков были русские, украинцы (примерно поровну), две бурятки, калмычка, кореец. Поскольку я выбрал темой своей работы страны Азии и Африки, то я стал учиться в аспирантуре по кафедре научного коммунизма. По этому предмету в то время половина тем была выделена для проблем мирового революционного процесса, поэтому это были вопросы мировой системы социализма, международного рабочего, коммунистического, национально-освободительного движений и, естественно, внешней политики СССР. Во время учебы в университете, затем в аспирантуре, позже, работая в качестве преподавателя той же кафедры научного коммунизма, я выступал на комсомольских ударных стройках (Братская, Усть-Илимская ГЭС, БАМ) в Иркутской области, в трудовых коллективах, на различных семинарах идеологического актива партийных и комсомольских органов и организаций с лекциями о международном положении и внешней политике. Выступал также регулярно по телевидению Иркутска с передачами о международном молодежном движении (в частности, о всемирных фестивалях молодежи) и международном положении.

В Омской области, куда я был приглашен в 1977 г. во вновь открытый Омский государственный университет (сейчас, кажется, имени Ф.М. Достоевского), выступал с лекциями о международном положении в трудовых коллективах, на семинарах идеологических работников и активистов. Некоторое время на общественных началах вел занятия по внешней политике СССР и международным вопросам в вечернем университете марксизма-ленинизма Омского горкома КПСС и возглавлял кафедру внешней политики СССР и международных отношений. Вопросы Кореи затрагивались в общем контексте международного положения и внешней политики СССР, но не были основными ни в моей научной работе, ни в общественных мероприятиях.

Вопросы истории Кореи и политики корейских государств возникли в результате, как я уже написал, моей общественной работы (проблемы корейцев в России/СССР) и работы в Государственной думе. Эта работа требовала обеспечения депутата и членов депутатской группы по связям с парламентом Республики Корея информацией о двух Кореях, политике, экономике этих государств и о межкорейских отношениях. Постепенно это привело и к вопросам раскола Кореи, Корейской войны и последующего развития, а личное знакомство с первыми шестью президентами Шестой республики (Ро Дэ У, Ким Ен Сам, Ким Дэ Чжун, Но Му Хен, Ли Мен Бак, Пак Кын Хе), участие в беседах с ними, когда они уже были президентами (Ро Дэ У, Ким Ен Сам, Ли Мен Бак), так и в их бытность претендентами на эту должность (Ким Дэ Чжун, Но Му Хен, Пак Кын Хе), участие в процедурах инаугурации со второго по шестого президентов Шестой республики тоже были полезны для понимания политических процессов в этой стране, а также мотивов их политической и государственной деятельности. Понятно также, что все годы в Москве с 1989 г. у меня были регулярные контакты с посольствами КНДР и РК. И вот эти контакты и встречи в конечном итоге привели к тому, что фокус моих научных интересов вначале сместился на судьбу корейцев в СССР, затем — на историю и политику КНДР и РК. Как человек, выросший в СССР, я не мог не сочувствовать КНДР и понимал особенности ее поли-

тического строя. Именно поэтому еще в 1993 г., выступая на одной из конференций в Сеуле, организованной Консультативным советом по мирному демократическому объединению Кореи (это президентская структура, председателем этого органа по Конституции является действующий президент страны), я сказал неприятные для членов совета (которые были ненавистниками КНДР и лично Ким Ир Сена) слова о том, что КНДР не развалится, пока там не появится свой Горбачёв, а таковой там не появится, так как в Северной Корее учли опыт распада СССР. Кстати, когда в нашем институте в 2004—2019 гг. проходили ежегодно встречи с учеными и работниками Института объединения Кореи (структура Министерства объединения Кореи), одно из моих пожеланий им было всегда такое: проработать в своем институте до выхода на пенсию (большая часть приезжавших к нам сотрудников были молодыми людьми). Не знаю, как они это воспринимали, может быть, считали, что это такая, вот, шутка с моей стороны, но, если бы они отнеслись серьезно к этому пожеланию, то могли бы посоветовать своему руководству скорректировать политику в отношении КНДР, как это они вынуждены делать сейчас, исключив из политического лексикона президента и министра объединения само слово «объединение». Сейчас в Республике Корея все политики применяют по отношению к КНДР не понятие «объединение», а 공존 (сосуществование).

Считаю также необходимым сказать, что, конечно, работы по Корее таких ученых, как член-корреспондент АН СССР Г.Ф. Ким, д.и.н., профессор Ли Вл. Ф., я читал и в студенческие, и свои первые педагогические периоды, да и лично был знаком с ними еще во время работы в Иркутске и в Омске. Но становление мое как кореееведа, специализирующегося на внутренней и внешней политике КНДР и Республики Корея, произошло в коллективе Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН (ныне Институт Китая и современной Азии РАН), куда я был приглашен в 2003 г. Работа в этом коллективе, отличавшемся и до сих пор отличающемся особой атмосферой доброжелательности и взаимной поддержки, общение с такими действительно выдающимися специалистами по Корее, как первый руководитель Центра корейских исследований кандидат политических наук В.П. Ткаченко, проработавший много лет в аппарате ЦК КПСС в секторе Кореи Отдела компартий социалистических стран; как до сих пор остающаяся крупнейшим специалистом-кореееведом России по экономике Республики Корея, доктор экономических наук С.С. Суслина, чьи работы были переведены в Южной Корее; как, по моему мнению, лучший в России, да, наверное, и в мире, знаток политики, идеологии, культуры КНДР кандидат политических наук А.З. Жебин, проработавший 12 лет как журналист и дипломат в этой стране, чьи работы, кстати, переведены и изданы в РК и Японии; да и молодые по сравнению со мной таланты: Л.В. Захарова, ставшая в нашем центре кандидатом и доктором экономических наук по проблемам, которые ранее не освещались другими специалистами по КНДР и недавно назначенная заместителем директора института по научной работе; кандидат экономических наук В.Г. Самсонова, выросшая от аспиранта до руководителя Центра корейских исследований, чьи работы по рынку труда в РК также привлекли самое пристальное внимание специалистов РК; кандидат исторических наук К.В. Асмолов, выпустивший больше монографий по проблемам

Кореи, чем любой из ныне действующих кореееведов России; и совсем молодые сотрудники, также предлагающие свой угол зрения на жизнь корейского общества, — все они обогатили мои представления и знания по многим проблемам двух корейских государств.

Вы родились в 1941 г. — в переломный для страны и Дальнего Востока период. Сохранились ли в Вашей памяти какие-либо эпизоды раннего детства, связанные с окончанием Второй мировой войны или, быть может, с освобождением Сахалина?

Мне исполнилось четыре года, когда Красная Армия начала освобождение южной части Сахалина, которая в соответствии с решениями Ялтинской конференции должна была быть возвращена Советскому Союзу. Мы тогда жили в поселке Ударный недалеко от городов Углегорск и Шахтерск (в Ударном и Шахтерске были угольные шахты). В моей памяти — охваченный пожаром наш дом, потом движение на юг острова (по-видимому, это была команда японских властей, которые, пугая людей Красной Армией, заставляли бежать на юг острова — Углегорск, Шахтерск, Ударный находятся в центральной его части) и возвращение обратно в свой городок. Отец тогда был мобилизован японскими властями на какие-то строительные работы на юге, поэтому в момент, когда мы двинулись на юг, его не было дома. Он после начала военных действий сбежал, при этом ему повезло, так как группу людей, с которыми он бежал, обстреляли японские солдаты, и как-то так получилось, что пули попали в людей, которые бежали перед ним и позади него; наверное, это была автоматная очередь. По пути домой он был задержан наступавшими частями Красной Армии, и, поскольку ему было 31 год, может быть, они считали, что он имеет какое-то отношение к японской армии или каким-то японским властям, поэтому он несколько месяцев находился под контролем и вернулся домой весной 1946 г. О его судьбе в тот год я по малолетству не помню: это рассказала мне моя старшая сестра. На обратном пути к месту проживания, до начала военных действий я помню один эпизод, когда остановилась машина с красноармейцами, и я и еще, кажется, из нашей группы два мальчика оказались в кузове машины, и солдаты нам что-то дали из съестного. Моя старшая сестра, которой было тогда восемь лет, недавно, вспоминая те дни, сказала, что было очень вкусно то, что дали солдаты, и она потом выходила на улицу, когда видела приближавшуюся машину с солдатами, ожидая от них чего-то из еды. Через несколько минут из кабины водителя вышла женщина-офицер и что-то громко сказала. Мы это восприняли как приказ покинуть машину и спрыгнули с машины.

Нам доводилось слышать от коллег-экспертов, что Вы принадлежите к древнему королевскому роду. Не сочтете ли возможным рассказать подробнее об истории Вашего рода, о своей семье и о том, как этот факт Вашей биографии повлиял на Вашу жизнь?

Я родился в рабочей семье, отец всю жизнь был рабочим, с восьми лет начал работать, пас скот в деревне. Мой отец учился уже взрослым один год в вечерней школе, откуда его отчислили из-за конфликта с учителем-японцем. Правда, он самоучкой

все равно научился читать и писать и любил читать, хотя как отцу семейства с шестью детьми ему, конечно, приходилось много и тяжело работать и времени читать было мало. Матушка тоже происходила из простой семьи и была неграмотной. Как известно, все корейцы имеют свой бон (в Средней Азии корейцы произносят это слово как «пой»), то есть базу, основу, которая называется по месту, откуда пошел этот род. Как правило, бон — это название города или села. Так вот, мой род 경주 (Кенчжу), и я интересовался у отца, что за род. Он сказал, что это род, который назван по столице государства Силла, и что 38 из 56 королей этого государства были из нашего рода. Естественный у меня вопрос: а почему тогда мой отец вынужден был с восьми лет начать работать, чтобы у семьи был еще какой-то доход? Он это объяснил так: мой дед, то есть его отец, был довольно богатым землевладельцем, имел даже пароход (речь идет о начале XX в.). Когда ему было лет тридцать с небольшим, встретилась гадалка и нагадала ему, что он умрет в 39 лет. Ну, к 39 годам он промотал все свое состояние, остался только домик в деревне и небольшой участок земли. Умер он в возрасте 93 лет, уже после освобождения своей родной провинции Хамгеннамдо (КНДР). Поэтому я не верю ни в какие гадания и предсказания. В начале 1990-х в Москве была экстрасенс, кандидат химических наук, кореянка, тоже по фамилии Ким. Вот тогда она, наверное, хотела показать, что и депутаты к ней обращаются. Как-то на одном из мероприятий она сказала мне: «Вот у Вас проблемы с почками, давайте я Вас полечу». Я отказался, помня о семейной истории. Кстати, прошло с тех пор 35 лет, и почки меня никогда не беспокоили. Наверное, она подумала: человеку 50 лет, наверняка какие-то проблемы со здоровьем, вот и придумала, чем завлечь человека, напугав его. Матушка моя по фамилии 최 (Цой) была из рода кенчжусских Цоев (сейчас я знаю, что первый правитель государства Силла Пак Хеккосе был избран вождями Сораболя (так тогда назывался нынешний город Кенчжу). Этих вождей было шестеро, а именно: Ким, Пак, Цой, Ли, Тен и Сок. Может быть, поэтому отец моей матушки прожил 91 год, а она сама, родившая шестерых детей, умерла в 94 года и девять месяцев. В жизни она не выпила ни грамма спиртного и никогда не курила. Скорее всего, мне достались гены от обоих родов. У меня никогда не бывает желания выпить какой-нибудь алкогольный напиток. Что касается курения, я в 10 лет попробовал со своим другом покурить, выкурили по две папироски, и мне этого хватило на всю жизнь.

В должности заместителя председателя одного из комитетов Верховного Совета СССР Вы занимали один из высочайших постов среди советских и российских корейцев. Какие впечатления оставил у Вас этот этап политической карьеры?

Заместителем председателя Комитета Верховного Совета СССР по государственному строительству и местному самоуправлению я был всего семь месяцев, а до этого полтора года — членом Комитета по международным делам Верховного Совета СССР. На этих должностях приходилось сталкиваться не только со многими зарубежными политиками, но и, естественно, с видными в то время государственными деятелями страны. Некоторые, как, например, А.И. Лукьянов, Е.М. Примаков, И.Д. Лаптев, Р.Н. Нишанов, произвели сильное впечатление, многие другие показа-

лись не очень убедительными. Но главное — во всяком деле нужны очень высокие квалификация и понимание, твердость в проведении своей линии в политике. Что касается деятельности Межрегиональной депутатской группы, то меня постигло разочарование.

Вы многое сделали для развития гражданского самосознания российских корейцев, подчеркивая важность приоритета российской идентичности при сохранении памяти о своих этнических корнях. Не могли бы Вы подробнее остановиться на этом аспекте Вашей общественной и просветительской деятельности?

Я всегда относился скептически к стараниям зарубежных политиков и идеологов относительно национальной идентичности корейцев СССР и России. И всегда подчеркивал, что нужно отделять этническую идентичность от гражданской. Гражданская идентичность корейцев России в подавляющем большинстве — идентификация себя и своей судьбы с судьбой России/СССР. Это проявлялось с самого начала миграции корейцев в Приморский край. Неслучайно уже через два года после начала переселения в 1863 г. началось принятие православия, православных имен, а также направление детей в церковно-приходские школы и даже в духовные семинарии в Иркутске и Казани. Поэтому в годы Первой мировой войны корейцы шли служить в русскую армию, а в годы Гражданской войны только на территории Приморского и Хабаровского краев было 45 корейских партизанских отрядов, сражавшихся против японских оккупантов и белогвардейцев. Кроме того, еще в 35 партизанских отрядах смешанного состава также воевали корейцы. То есть они идентифицировали себя как граждане Советской России, а впоследствии как граждане СССР. Была трагическая страница истории корейцев в 1937 г., когда корейцев Дальнего Востока во избежание японской шпионской активности выселили в республики нынешней Центральной Азии и Волгоградскую область. Но в 1941—1942 гг. корейцы массово стремились направиться на действующий фронт. Другой вопрос, что большинство даже призванных в армию и направленных на фронт не были допущены до фронта и их направили в трудармию, рабочие колонны или в какие-то иные организации. Например, мой тесть И.С. Огай, направлявшийся вместе с другими мобилизованными из Каратальского РВК Казахстана (с. Уштобе) на фронт, был вместе с ними высажен в Тульской области и зачислен в особое СМУ-1 в системе Минтяжпрома, где и проработал до конца войны, а затем был направлен на лесозаготовки в Костромскую область. Тем не менее некоторые корейцы, высланные в 1937 г., сумели попасть в действующую армию. Например, единственный кореец, удостоенный во время Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза, — это Александр Павлович Мин, высланный в 1937 г. в Узбекистан, имевший высшее образование и окончивший Рязанское пехотное училище, начал войну как рядовой красноармеец в 1941 г., затем за отличия в боях был награжден высокими боевыми орденами, был направлен на курсы младшего офицерского состава и в начале 1944 г. назначен в звании капитана командиром батальона. Между прочим, сейчас командир батальона — это должность подполковника, начинает, правда, со звания майора. Капитан Мин А.П. погиб в бою в июле 1944 г. при освобождении Волынской области Украины. И сейчас, во время

СВО, два корейца за свои подвиги удостоены звания Героя Российской Федерации (Ян Е.А., Тен А.Р.) посмертно. Кстати, Тен А.Р. погиб так, как могут погибнуть, как мне кажется, только русские офицеры: попав со своим подразделением в окружение, уже раненый, приказал своим подчиненным покинуть место боя, а затем вызвал огонь на себя и погиб. Ему было 39 лет, у него остались жена и ребенок. Все его подчиненные добрались до своих живыми. Оба героя, Тен А.Р. и Ян Е.А., не за Корею же воевали, а отдали свои жизни за Россию. Кстати, могу сказать, я как уроженец Сахалина 1941 г. мог с супругой получить в Южной Корее бесплатно квартиру и пенсию. Никто из моих братьев и сестер не поехал на жительство на таких условиях в Южную Корею, так как мы граждане России, а не какого-то иного государства. Другой вопрос, что мы хотели бы хороших отношений России с государствами Корейского полуострова. При сохранении этнического самосознания все же превалирует гражданское самосознание. Хотел бы напомнить также о том, что, например, южнокорейские специалисты по зарубежным корейцам никогда не задают вопроса о национальной идентификации этническим корейцам в США. Они знают, что с такими вопросами к ним нельзя обращаться, так как это будет сочтено американскими корейцами верхом неучтивости.

Вы были лично знакомы с Фиделем Кастро, а также встречались с несколькими президентами Республики Корея. Эти встречи, без сомнения, дают уникальное представление о живом общении с выдающимися политическими деятелями. Что Вам запомнилось в этих контактах?

Фидель Кастро — это личность планетарного масштаба. Очень образованный, обладающий выдающимися ораторскими качествами и даром убеждения, и в то же время лишённый высокомерия и монументальности. Это важно, потому что к тому времени, когда я встретился с ним в составе группы депутатов Верховных Советов СССР и РСФСР (январь 1991 г.), он уже более 30 лет был высшим лидером государства и по всем данным должен был забронзоветь. А он был прост в общении, очень легко вникал в суть заданных ему вопросов и столь же доброжелательно отвечал. Как вы понимаете, то время было очень сложным для Кастро, он, думаю, видел, к чему идет дело с перестройкой Горбачёва, но не было ни единого критического высказывания в адрес СССР. Однако обеспокоенность показал во время нашей другой беседы заместитель председателя Правительства Кубы, член Политбюро ЦК Компартии Кубы Карлос Рафаэль Родригес (между прочим, член Компартии Кубы с 1937 г.).

С высшими лидерами КНДР я не имел случая встретиться лично. Видел только Ким Ир Сена во время приема в честь участников сессии Межпарламентского Союза в апреле 1990 г. в Пхеньяне. Из других руководителей была только встреча делегации Верховного Совета СССР с заместителем председателя Президиума Верховного Народного собрания КНДР Рю. Интересная интеллигентная женщина, с которой наша делегация провела полуторачасовую деловую беседу, прошедшую в обстановке доброжелательности, я бы сказал, в семейной обстановке.

Среди руководителей РК очень интересными были встречи с президентом Ро Дэ У, даром что военный. В его манере общения с людьми не чувствовалась армей-

ская командная нотка. Он был внимательным, умел слушать, спросил даже, чем мне помочь лично, и вообще производил впечатление сугубо гражданского человека. Я его поблагодарил, но потом затронул тему помощи молодёжи России в освоении премудростей рыночной экономики. Может быть, это все говорило об определенной мягкости характера Ро Дэ У, выразившейся также в том, что он завещал похоронить себя в Пхачжу, с видом на север, в сторону КНДР.

С Ким Ен Самом я встречался во время его первого визита в СССР (1989), когда он был одним из лидеров оппозиции; потом через девять месяцев, во время его приезда в Москву уже в качестве лидера правящей партии; затем, когда он стал президентом, и еще несколько раз уже после завершения политической карьеры. Трибун, умеющий проявить жесткость, когда нужно, и в то же время, конечно, зависящий от обстоятельств и позиции правящего класса. Например, показательна его реакция на кончину Ким Ир Сена, с которым он должен был встретиться в Пхеньяне через две недели, в июле 1994 г. Мне кажется, он понимал, что этот его поступок был не самым разумным. Во всяком случае, через 15 лет после отставки, во время посещения нашего института, он сказал, что мечтает поехать в Пхеньян.

Ким Дэ Чжун, первый кореец — лауреат Нобелевской премии мира, президент с 1988 по 2003 г., производил впечатление мягкого, внимательного, мудрого человека. Мои встречи с ним проходили в то время, когда он был в оппозиции. Конечно, он производил впечатление незаурядного человека. Можно было бы еще раз попробовать оценить не только историю его политической жизни, но и более внимательно оценить его взгляды, понимая, однако, что взгляды взглядами, а в истории более весомыми остаются деяния. Но и деяния его тоже, в общем, были направлены на сохранение интересов Республики Корея, как он это понимал. Поэтому я согласился стать одним из зарубежных советников Академии Ким Дэ Чжуна в Республике Корея.

О Но Му Хене у меня осталось сложное впечатление, хотя я понимаю, что человек, не имевший ни систематического высшего образования, ни многолетнего опыта лидера оппозиционной партии и избранный президентом во многом волею случая, также не случайно после окончания срока полномочий президента зажил жизнью рядового крестьянина. Тем не менее он сделал очень многое для роста РК и повышения престижа страны в мире, и хотя не имел, что называется, такой харизмы, как у двух его предшественников, заслуживает добрых слов. Его трагическая кончина вызвала большое сожаление.

Ли Мен Бак, тоже из простой рабочей семьи, ставший руководителем одной из крупнейших в мире строительных корпораций в системе группы Хенде, по-своему впечатляет. Но его высокомерное отношение к КНДР (это нужно было видеть и слышать, как он отзывался не в бытовой беседе, а перед делегациями корейцев многих стран в Сеуле) не красит его.

С президентом Пак Кын Хе я встречался несколько раз, в том числе два раза тэта-тэт в пору, когда она еще не была президентом. Конечно, человек она закрытый, перенесший убийства родителей с разрывом в пять лет, тем не менее в общении была внимательной, реагировавшей на слова собеседника. По крайней мере, я не чувствовал какого-то нетерпения или невнимательности к тому, что я говорил, хотя мы беседовали каждый раз больше часа. Жаль, что так сложилась ее судьба, хотя, если бы не

работа прокурорской команды Юн Сок Ёля и Хан Дон Хуна, все могло бы обернуться по-другому и дело не дошло бы до отрешения от должности.

Вы являетесь автором целого ряда фундаментальных научных работ, многие из которых открывают малоизученные темы для российского корееведения. Могли бы Вы назвать три-пять из Ваших трудов, которые, на Ваш взгляд, являются наиболее важными и весомыми в Вашей научной карьере?

Белая книга о депортации корейского населения России в 30—40-х годах (книга вторая, Москва, 1997); Полное собрание деклараций независимости Кореи (Москва, 1997); Кто такие российские корейцы (Москва, 2021); Сотрудничество Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики на современном этапе (политический аспект) (Москва, 2025).

За долгие годы преподавания Вы воспитали не одно поколение учеников и пользуетесь заслуженным уважением в академической среде. Что бы Вы хотели пожелать молодым исследователям, которые только начинают свой путь в науке?

Молодым исследователям, если им интересно мое мнение, я бы сказал, что для научной работы нужно иметь хорошую методологическую подготовку, уметь применять также различные методы исследования, хотя нельзя применять разные методы без фундамента, то есть методологии. Общественная наука не дает материальной прибыли, то есть больших денег, поэтому нужно много трудиться, чтобы ваши доходы вышли на уровень среднего класса, часто жертвуя своими хобби. Может быть, стоит превратить в хобби свои занятия научными исследованиями. Нужно помнить высказывания великих мыслителей о том, что в науке нет широкой столбовой дороги, и нужно ежедневно, ежечасно продираться через частокол мнений и фактов. И еще нужно делиться своими знаниями с молодыми исследователями и студентами. Они часто задают вопросы, ответы на которые помогут вам найти или сделать какие-то важные выводы, внеся тем самым вклад в науку. Поэтому нужно сочетать научную работу с преподавательской.

Я сказал, что много выступал с лекциями в трудовых коллективах. Сейчас такой системы нет, все заменяют СМИ, особенно телевидение. Но нужно не замыкаться только в научных конференциях и студентах, нужно свои знания и свои оценки также доводить до людей, интересующихся судьбами страны и мира. То есть в моем представлении ученый в области гуманитарных наук не может быть, что называется, книжным червем (кабинетным ученым). Он должен делиться своими знаниями с обычными людьми, не имеющими отношения к науке. Это ведь обязанность научного работника в нашем обществе. Поэтому я и сейчас по мере сил стараюсь откликаться на обращения средств массовой информации, а также творческих работников, создающих фильмы, передачи о современных и прошедших международных делах. Поэтому каждый год даю десятки интервью, выступаю в различных теле- и радиопередачах, даю комментарии газетам в том числе новостным, каналам: МИА «Россия сегодня» (редакция вещания на русском языке, арабская, польская, китайская и чешская, испанская редакции), «Звезда», «Соловьев Live», «Мир», РенТВ, ОРТ, РБК,

ТВЦ, Россия, Спутник, Инфорос, «Комсомольская правда», читателем которой я являюсь вот уже 65 лет, «Известия» и еще десяток информационных агентств, менее известных.

И еще один момент. Я часто вижу, что некоторые люди, занимающиеся проблемами других стран, хотят стать бóльшим корейцем или японцем, чем сами японцы и корейцы, с горящими глазами рассказывают о культурных событиях или артефактах восточной страны, считая, что мы должны их принять. Но почему-то у них не горят глаза, когда они говорят о культуре России, народов России. Спору нет, нельзя отгораживаться от культуры других народов, и все полезное нужно сопрягать с отечественной культурой. Но никогда не нужно забывать о своих корнях и необхолимо не только помнить, но и носить всегда в душе свое убеждение, что вы представляете великую русскую цивилизацию и ее культуру и мораль.

Можем ли мы в рамках публикации данного материала упомянуть о том, что в этом или следующем году планируется выход сборника Ваших статей разных лет? Нам было бы приятно анонсировать это событие для широкой аудитории.

Да, в следующем году. Постараюсь в течение нынешнего учебного года обеспечить защиту кандидатских диссертаций моих аспирантов, тогда в следующем году руки дойдут до завершения работы над сборником моих статей.